Гу Цяньчэнь сидела на камне у пруда, разглядывала свой тёмный халат, потом свои пухлые руки и тихо вздохнула. Попасть в другой мир — такое могло случиться только с ней, хотя, возможно, она сама была виновата. Но оказаться в теле ребёнка? Ей двадцать четыре года, неужели придётся прожить жизнь заново? Притворяться наивной? Это было выше её сил.

Она встала и посмотрела на своё отражение в воде. Этот ребёнок выглядел точь-в-точь как она, только с более мягкими, детскими чертами лица, которые казались даже более утончёнными. Сразу видно — дитя из богатой семьи, взращённое в достатке и никогда не знавшее ни ветра, ни дождя. Кожа нежная, бархатистая.

Неужели теория профессора Гуна была верна? Подумала Гу Цяньчэнь.

Над нашим миром существуют более высокие измерения — множество параллельных пространств. Гу Цяньчэнь прищурилась. Может, она попала в одно из них? Сможет ли затем переместиться в другое?

Она поразмыслила и пришла к отрицательному ответу. Она оказалась здесь благодаря машине профессора Гуна. Без неё попасть в следующее измерение было бы невозможно. А её прежнее тело, лишённое сознания, скорее всего, уже мертво — смерть мозга или что-то в этом роде. Профессор Гун, наверное, решит, что его эксперимент провалился и стал причиной её гибели. Возможно, он даже будет чувствовать вину и забудет, что она так и не вернула «одолженный» древний манускрипт.

Представив, как профессор Гун будет в отчаянии рвать на себе волосы из-за «провала» эксперимента, Гу Цяньчэнь внезапно поняла, что переселение не так уж и плохо. Что до старика… Ладно, у него полно учеников, с ним всё будет в порядке.

Раз уж она здесь, то нужно приспособиться. Гу Цяньчэнь прищурилась, и в её глазах промелькнула холодная искорка, совершенно не соответствующая возрасту этого тела. Этот тёмный халат явно был мужского покроя. Неужели прежний владелец этого тела был девочкой, переодевающейся в мальчика? Если так, то это избавляло её от одной большой проблемы. Не то чтобы действовать от лица женщины было чем-то неправильным, но сложные древние женские наряды были крайне неудобны. Мужская одежда во всех отношениях практичнее. Даже в своём мире Гу Цяньчэнь редко носила платья — её род занятий того не требовал.

Знания об этом мире в голове Гу Цяньчэнь отсутствовали полностью. Лишь смутные воспоминания о паре, похоже, родителей этого тела, были относительно ясны. Всё остальное словно затянуто пеленой тумана. Были ли эти родители похожи на её собственных, она не знала. Профессор Гун вырастил её, и своих настоящих родителей она никогда не видела.

— Молодой господин, что вы делаете? Умоляю, не делайте ничего безрассудного!

Пока Гу Цяньчэнь разглядывала своё отражение, сзади раздался женский голос. Его сопровождали торопливые шаги, выдававшие искреннее беспокойство.

Гу Цяньчэнь очнулась. Сохраняя холодное достоинство, она посмотрела на бегущую к ней женщину. В её взгляде промелькнула настороженность. Это была не её мать. Кто именно — она не помнила. Судя по одежде, это служанка.

Служанка замерла на месте, сражённая отчуждением во взгляде Гу Цяньчэнь. Её испуг был так явен, что Гу Цяньчэнь задумалась: не слишком ли она переиграла? Или разница с прежним владельцем тела была слишком разительной? Однако следом за испугом в глазах служанки вспыхнула безудержная радость. Она расплылась в широкой улыбке, развернулась и бросилась бежать из сада, выкрикивая на ходу:

— Скорее! Скорее сообщите госпоже! Молодой господин очнулся! Правда очнулся! Это великое счастье! Небеса хранят наш род Гу!

Гу Цяньчэнь, наблюдая за служанкой, слегка приподняла бровь. «Очнулся»? Что это значит? «Небеса хранят род Гу» — её догадка, похоже, была верна. Если ничего не изменилось, то и это тело, вероятно, звали Гу Цяньчэнь. Она слегка нахмурилась и снова села на камень. Чему быть, того не миновать. Судя по всему, служанка пошла звать людей. Оставалось только ждать.

Не прошло и нескольких минут, как служанка вернулась в сад с другой женщиной. Их шаги были торопливы, и от былого достоинства хозяйки дома не осталось и следа.

Гу Цяньчэнь взглянула на женщину. Это определённо была мать этого тела. На ней было простое белое платье, а на щеках виднелись непросохшие следы слёз. Несмотря на это, она оставалась прекрасной. Слёзы лишь слегка смягчили её волевые черты, добавив женственной нежности. Однако… Гу Цяньчэнь присмотрелась к белой одежде женщины. Это был траурный наряд. Что же здесь происходило?

— Чэньр.

Женщина остановилась перед Гу Цяньчэнь, её лицо выражало полное неверие. Она долго смотрела ей в глаза и лишь затем выдавила улыбку.

— Ты и вправду очнулась. Моя Чэньр… ты помнишь свою мать?

Гу Цяньчэнь сжала губы. Эта внезапная эмоциональная сцена была ей непривычна, но она кивнула. Она открыла рот и лишь через мгновение выдавила слегка хриплое:

— Мама.

Слёзы тут же хлынули из глаз женщины.

— Да, — торопливо отозвалась она, и в её голосе смешались волнение, радость, облегчение и горечь. — Я ждала этого дня десять лет, моя Чэньр.

Она широко раскрыла объятия и крепко прижала к себе Гу Цяньчэнь, слёзы текли не

переставая. Гу Цяньчэнь, оказавшись в объятиях, растерялась. За свои двадцать четыре года она никогда не знала матери. Она не имела ни малейшего представления, как на это реагировать, и просто застыла на месте. Подумав, она всё же обняла женщину в ответ.

Женщина заплакала ещё сильнее. Стоявшая рядом служанка украдкой вытерла слёзы и напомнила:

— Госпожа, молодой господин только что очнулся. Следует отвести его к господину и почтенному старому господину.

Женщина словно очнулась и поспешила отпустить Гу Цяньчэнь.

— Да, конечно! Я от радости совсем забыла. Твой отец и дедушка ждут. Я отведу тебя к ним.

Гу Цяньчэнь кивнула, сохраняя бесстрастное выражение лица. Семья, очевидно, была поглощена трауром, и отсутствие других членов семьи было объяснимо. Просто она по-прежнему не умела обращаться с подобными ситуациями.

Женщина не обратила внимания на холодность Гу Цяньчэнь. Дочь только очнулась, естественно, что она держится отстранённо. Со временем всё наладится, — утешала себя госпожа Гу.

Гу Цяньчэнь, заметив выражение лица женщины, сжала губы, а затем с совершенно безразличным видом взяла её за рукав. Что ж, раз уж это мать этого тела, можно немного сыграть роль слабой девочки.

Этот жест удивил женщину, но затем на её лице промелькнуло понимание.

— Конечно, Чэньр только очнулась и ещё не привыкла к этому месту. Мама поведёт тебя за руку.

С этими словами она взяла Гу Цяньчэнь за руку, в душе уже представляя, как будет гулять с дочерью, держа её за руку, и укреплять их связь. Жаль только, что отец… Эх…

Женщина вывела Гу Цяньчэнь из сада в главный зал. Взору открылась картина, выдержанная в чёрных и белых тонах. Повсюду развевались траурные ленты, царила торжественно-мрачная атмосфера. На лицах всех присутствующих лежала печать скорби, воздух был густым от горя.

Гу Цяньчэнь скользнула взглядом по суетящимся во дворе людям. В их глазах она уловила проблески радости, которые тут же гасли, сменяясь глубокой печалью.

Женщина провела её во внутренние покои. Посередине зала на коленях стоял человек. Даже в такой позе он держал спину идеально прямо. Гу Цяньчэнь невольно задержала на нём взгляд.

Услышав шаги, он обернулся к двери и поднялся. Хотя он старался скрыть это, Гу Цяньчэнь заметила, как он слегка пошатнулся, поднимаясь, — ноги, должно быть, онемели от долгого стояния на коленях.

Он поманил Гу Цяньчэнь рукой.

— Подойди, дай отцу посмотреть на тебя.

Женщина мягко похлопала Гу Цяньчэнь по тыльной стороне ладони, словно успокаивая и ободряя. Гу Цяньчэнь послушно подошла и, не отводя взгляда, встретилась с ним глазами. Её взор был спокоен и невозмутим, совершенно не детским. Она отчётливо понимала, что не сможет долго притворяться ребёнком, поэтому решила даже не начинать — так будет проще.

http://bllate.org/book/15466/1371174